

В. А. АВРОРИН, Р. А. БУДАГОВ, Ю. Д. ДЕШЕРИЕВ, Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ,
Е. И. УБРЯТОВА, Н. Ю. ШВЕДОВА

ВОПРОСЫ СОСТАВЛЕНИЯ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГРАММАТИК

*(Коллективный доклад на Сессии по вопросам составления
описательных грамматик, лексикографии и диалектологии
18—23 мая 1953 г.)*

Всестороннее изучение грамматического строя многочисленных и разнообразных языков народов Советского Союза — одна из первоочередных задач советских языковедов. Вопрос о создании научных описательных грамматик еще никогда и нигде не был поднят на такую принципиальную высоту, как в нашей стране. Ни в одной стране мира составление научных описательных грамматик не имело такого значения, как в нашем многонациональном государстве, где все народы имеют свою письменность и школу на родном языке, а родной язык играет исключительно важную роль в воспитании нового, советского человека. Поэтому издание грамматик у нас является задачей не только научной, но и общественно-политической.

В настоящей статье речь будет идти о научных описательных грамматиках литературных языков народов Советского Союза. Вопросы составления школьных учебников здесь не затрагиваются, как не затрагиваются и вопросы составления исторических грамматик или описания грамматической системы диалекта.

Научная грамматика должна дать возможно полное, всестороннее описание грамматического строя литературного языка в его современном состоянии, но обязательно с учетом развития языка, с учетом живых тенденций его движения. С другой стороны, описательная грамматика не может не ставить перед собой нормативных целей: она не просто фиксирует то, что есть в языке, не эмпирически описывает и коллекционирует факты, а описывает их в системе. Ее задача — не просто отразить грамматический строй языка в его современном состоянии, но и указать, что соответствует законам языка и что этим законам противоречит. Научная описательная грамматика современного литературного языка должна быть нормативной. Только тогда она будет действенной, практически необходимой и сможет выполнить те задачи, которые стоят перед ней как перед орудием развития и укрепления языковой культуры народа.

Следует признать, что наше отечественное языкознание имеет несомненные и большие заслуги в деле описания грамматического строя языков. Много сделано в области изучения и научного описания языков тюркоязычных народов, старописьменных языков Кавказа, украинского и др. Мы уже не говорим здесь об исключительных заслугах языковедов-русистов, которые, опираясь на материалистические традиции

наших лучших языковедов прошлого, создали построенные на большом материале детальные описания грамматической системы русского языка. Однако отсутствие правильной методологии не могло не сказаться отрицательно как на общем направлении этих работ, так и на решении отдельных частных проблем.

На исследованиях грамматического строя конкретных языков тяжело отразилось господство «нового учения» о языке. Оно затормозило работу по созданию грамматик целого ряда языков. Не случайно у нас до сих пор нет научных грамматик белорусского, таджикского, туркменского, тувинского, татарского, удмуртского, мордовских, молдавского, осетинского, даргинского и многих других языков. С другой стороны, для ряда языков грамматики создавались на ложных, методологически порочных основах, которые еще и до сих пор дают себя чувствовать в отдельных грамматических трудах.

Представители «нового учения» о языке, как известно, недооценивали роль и значение грамматики. Н. Я. Марр, сомневаясь в необходимости и полезности грамматики, призывал к ликвидации ее как «орудия формалистического учения». Антинаучные взгляды Марра на грамматику в различных вариантах представлены в трудах его «учеников» и последователей, которые стремились подогнать факты языка под выдуманные стадийные схемы, растворяли морфологию в синтаксисе, беспорядочно смешивали морфологические и синтаксические категории, не различали фактов грамматики и лексики, грамматики и семасиологии. Все это часто сочеталось с нивелировкой фактов конкретных языков, с подгонкой их под универсальные логические схемы.

В своей книге «Общее языкознание» И. И. Мещанинов писал: «Раздел грамматики, который изучает форму и содержание слова, в дальнейшем мы будем называть лексикой. Сюда войдет то, что раньше изучалось в двух оторванных друг от друга разделах лингвистической науки: семасиологии и морфологии (в части словообразования). Учение о форме и содержании предложения, следовательно, и его составных частей, относится мною к синтаксису»¹. Таким образом, здесь декларируется полное смешение грамматических и лексических категорий. Отвергая традиционную «формальную» схему деления грамматики, И. И. Мещанинов предложил следующую схему распределения отделов грамматики:

1. Фонетика (учение о социально значимых звуках).

2. Лексика (учение о слове в отдельности и о словосочетаниях лексического порядка).

3. Синтаксис (учение о слове в предложении и о предложении в целом)².

Морфология как самостоятельный раздел грамматики по этой схеме (кстати, не оригинальной и отражающей влияние буржуазного западноевропейского языкознания) выпадала, полностью растворяясь в синтаксисе.

Влияние этих порочных взглядов, недооценка морфологии и преувеличение роли синтаксиса проявились, например, в трактовке категории залога в работах казахского языковеда А. Калыбаевой.

Под влиянием той же схемы в ряде работ марровского толка границы грамматики неправомерно расширялись: в нее включались не только фонетика, но и лексика. Именно такое понимание объема и содержания грамматики легло в основу «Грамматики адыгейского литературного языка» проф. Н. Ф. Яковлева и доц. Д. Ашхамафа, «Грамматики кабардино-черкесского языка» проф. Н. Ф. Яковлева и др.

¹ И. И. Мещанинов, Общее языкознание, Л., Учпедгиз, 1940, стр. 27.

² Там же, стр. 37.

Выдвигая синтаксис на первое место в системе грамматики, безоговорочно признавая его приоритет перед «формальной» морфологией, «ученики» и последователи Н. Я. Марра неправильно понимали задачи и содержание синтаксиса. Они смешивали изучение грамматических явлений с реальным содержанием высказывания, по материалам грамматики пытались изучать идеологию говорящих на данном языке людей. Так, проф. С. Д. Кацнельсон, вслед за Н. Я. Марром смешивая синтаксические категории с категориями мышления, полагал, что, вместе с изучением грамматических значений «задачей синтаксиса в особом смысле этого слова является... исследование познавательной значимости категорий грамматики и категорий мышления...»³ По его мнению, «раскрытие реальной идеологической или, иначе, смысловой структуры слова, обусловленной определенным уровнем общественного развития, составляет одну из важнейших сторон грамматического анализа»⁴.

Одним из многочисленных пороков марровских грамматик было навязывание языкам априорной схемы стадияльного развития «единого глоттогонического процесса». Антинаучные попытки применения стадияльной теории в объяснении структуры предложения нашли свое яркое отражение в «Очерках по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков» О. П. Сунника, в «Очерках по синтаксису нанайского языка» В. А. Аврорина, в «Очерках по синтаксису чукотского языка» П. Я. Скорика.

Авторы этих работ без какой бы то ни было проверки принимали и проводили в своих трудах ошибочную идею о подавляющем приоритете синтаксиса над морфологией, рассматривая последнюю лишь как техническую, служебную сторону первого. Они ставили одной из основных своих задач подтверждение на конкретном материале вульгарно-социологических «теорий» о единстве глоттогонического процесса и стадияльном развитии языка в той редакции, которую получили эти порочные теории в работах И. И. Мещанинова.

В. А. Аврорин и О. П. Сунник, разрабатывая вопросы синтаксиса нанайского и других родственных ему тунгусо-маньчжурских языков, стремились прежде всего найти для этих языков место на ступенях единой стадияльной лестницы: языки эти помещались ими на промежуточной ступени между possessивной и номинативной стадиями. О. П. Сунник высказывал мысль о том, что possessивный строй предложения возник в результате взрыва инкорпорированного комплекса и развивается с неумолимой неизбежностью в сторону превращения в номинативный строй предложения. Первая часть этой формулы подтверждалась одними лишь ссылками на работы И. И. Мещанинова, а для подтверждения второй части привлекался факт наличия в нанайском и родственных ему языках предложений со сказуемыми, выраженными «притяжательными» формами причастий, наряду с предложениями, сказуемые которых выражены личными формами глагола. Первые объявлялись при этом пережитками possessивной стадии, а вторые — элементами нарождающейся номинативной стадии.

Еще более прямолинейный и ошибочный взгляд на possessивное построение предложений в нанайском языке как на пережиток предшествующей стадии развивал В. А. Аврорин, который считал, что в нанайском языке всякое выражение предикативности возникло из предшествующего ему более конкретного представления о принадлежности, т. е., другими

³ С. Д. Кацнельсон, Историко-грамматические исследования, I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 55.

⁴ Там же, стр. 57—58.

словами, что всякое номинативное предложение представляет собой трансформацию предложения possessивного. При этом совершенно не учитывались предложения с глагольными сказуемыми в косвенных наклонениях, которые в нанайском языке не имеют ничего общего с possessивностью. Во всех этих случаях допускалась характерная для «нового учения» о языке грубейшая ошибка, основанная на немарксистском понимании процесса развития языка, на непонимании того, что грамматический строй языка развивается путем совершенствования и обогащения существующих в нем правил, а не путем отмены одной системы правил и замены ее другой системой. Перечисленные «Очерки» не разрешали, а только запутывали поставленные в них вопросы синтаксиса.

Характеризуя вредные последствия господства марровского «учения» в советском языкознании, акад. В. В. Виноградов справедливо указывал на то, что «наиболее сильные разрушения так называемое „новое учение“ о языке произвело в грамматике»⁵. Неотложной задачей советских языковедов является искоренение следов вредного влияния «нового учения» о языке и создание описательных грамматик, построенных на правильных методологических основах и принципах.

В настоящее время во всех республиках и научных центрах страны оживилась работа по составлению описательных грамматик. Необходимость таких грамматик остро ощущается всеми. Однако работа над ними пока ведется неравномерно. Для описания грамматического строя одних языков давно уже были накоплены большие материалы, позволившие выпустить в свет новые грамматические труды. Работа же по описанию грамматического строя других языков пока еще находится в стадии собирания материала и определения самих методов исследования. Перед составителями грамматик здесь встает много сложных теоретических вопросов, разрешение которых возможно только в результате коллективных усилий.

Современный этап изучения грамматического строя многих языков характеризуется стремлением к разработке отдельных частных вопросов грамматики. В диссертациях, статьях и монографиях описываются разные явления словообразования, морфологии и синтаксиса конкретных языков, делаются попытки установить закономерности развития отдельных сторон грамматического строя языка. Такая работа является необходимой подготовкой к описанию грамматической системы языка в целом.

*

Грамматика является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. Этим определяется объем грамматики, которая состоит из двух основных разделов: морфологии — учения об изменении слов, т. е. о формообразовании, и синтаксиса — учения о типах и формах словосочетаний и предложений. Следовательно, в грамматике каждого языка изучаются как грамматическая структура слов, словосочетаний и предложений, так и различные виды грамматических взаимоотношений между словами, словосочетаниями и предложениями. Фонетика как учение о звуковом строе языка, о его «природной материи» в состав грамматики не входит. Сфера действия фонетики не ограничивается областью грамматики, она охватывает и весь словарный состав языка. Фонетическая система является материальной базой языка, взятого в целом. Поэтому в ряду языковедческих дисциплин фонетика должна занимать самостоятельное место.

⁵ В. В. Виноградов, Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, М., Изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 34.

Но вместе с тем фонетика тесно связана с грамматикой, и описание грамматического строя любого конкретного языка практически не может не учитывать свойственные этому языку фонетические закономерности. Поэтому всякой описательной грамматике обязательно должно предшествовать описание фонетической системы данного языка — состава его фонем, типических случаев чередования, ассимиляции, диссимиляции и других явлений, характерных для звуковой системы данного языка. При описании грамматической системы каждого конкретного языка следует тщательно учитывать взаимоотношения между грамматикой и фонетикой: отдельными своими сторонами учение о звуковом строе языка органически входит в грамматику. К разделу морфологии, например, относятся все те звуковые различия, которые служат средством разграничения определенных грамматических форм. Так, в языках, в которых существует закон сингармонизма, необходимо подробно описать действие этого закона, прежде чем перейти к анализу процессов словообразования и словоизменения, так как в этих языках, в силу закона гармонии гласных, состав гласных в аффиксах зависит от характера гласных корня, а в некоторых языках (например, в чукотском) состав гласных корня изменяется в отдельных случаях в зависимости от характера гласных аффикса. Например, в эвенкийском языке: *дукудьяран* «пишет», *эмдерэн* «идет», *сокордёрон* «теряет» (суфф. *-дэ// -де// дё* — показатель несоверш. вида, суфф. *-ра// -рэ// -ро* — наст. времени, суфф. *-н* — 3-го лица ед. числа).

Во многих тюркских языках закон гармонии гласных дает возможность разобраться во взаимоотношениях между гласными основы слова и гласными аффиксов. Так, в алтайском языке, если в первом слоге данного слова имеется гласный заднего ряда, то в следующих слогах должны быть только гласные заднего ряда (*карагъй* «сосна»). Если же в первом слоге имеется гласный переднего ряда, то и в следующих слогах должны быть только гласные переднего ряда (*эмегён* «женщина»). Следовательно, для того чтобы разобраться во взаимоотношениях между основой слова и аффиксами в этом языке, необходимо учитывать и характер фонетической связи между ними.

При этом очень важно определить заранее, какие из явлений, характеризующих закон сингармонизма, следует описать в разделе фонетики и какие — в разделе морфологии. Если в разделе фонетики достаточно указать на наличие двух рядов гласных — переднего и заднего ряда или верхнего и нижнего подъема (например, в татарском и башкирском языках — задний ряд гласных *а, ы, о, у* и передний ряд *э, и, е, ө, ү*) и описать способ образования каждого из этих звуков, то в разделе морфологии характеризуются уже не сами эти звуки, а изменения в формах слов, в морфемах, связанные с законом гармонии гласных и с обязательным употреблением звуков того или другого ряда.

Точно так же описание явлений, связанных с чередованием ступеней в западнофинских языках, следует дать одновременно в разделе фонетики и морфологии: в разделе фонетики необходимо перечислить группы согласных в сильной и слабой ступени [например, в финском языке *кк* (сильная ступень), *к* (слабая ступень), *lt* (сильная ступень), *ll* (слабая ступень) и т. д.], а в разделе морфологии, при парадигмах существительных и глаголов, описать допустимые звуковые вариации, зависящие от наличия различных ступеней (например, *кikka* «цветок», *кикап* «цветка»; *ilta* «вечер», *illan* «вечера»; *ranta* «берег», *rannan* «берега»; *lukea* «читать», *luen* «читаю» и т. д.).

При составлении описательной грамматики молдавского языка о чередовании гласных можно сказать в разделе фонетики, но к нему придется

вернуться и в разделе морфологии, например, при описании способа образования форм множественного числа (ср. чередование *a — e*: *fatə* «девушка», *фете* «девушки»; *масэ* «стол», *месе* «столы»; *ладэ* «ящик», *лезэ* «ящики» — или чередование *z — жь*: *ынпрег* «целый», *ынпрежэ* «целые»).

Знание фонетических закономерностей необходимо не только для морфологии, но и для синтаксиса. В этом плане возникает важная и сложная проблема синтаксических функций интонации. К сожалению, эта проблема для большинства языков до сих пор остается совершенно неразработанной. Между тем при описании синтаксиса любого языка очень существенно дать подробную характеристику различных типов интонации и синтаксически значимых интонационных членений внутри предложения. Известно, что интонация имеет очень большое значение как для классификации типов предложения, для выражения их модальной окраски, так и для понимания различных видов соотношения между словосочетанием и предложением, между частями предложения и всем предложением.

Таким образом, разграничивая грамматику и фонетику языка, составители описательных грамматик должны вместе с тем учитывать разнообразные связи, существующие между этими двумя сторонами языковой системы.

Определяя объем и состав грамматики, необходимо разобраться в соотношении между грамматикой, с одной стороны, и лексикологией и семасиологией — с другой. Разграничение грамматики и лексики должно быть в первую очередь основано на различиях грамматической и лексической абстракции. Грамматика имеет дело с двумя видами абстракции: с одной стороны, — это абстракция от конкретных отношений между предметами и явлениями объективного мира. Такова абстракция, лежащая в основе таких грамматических категорий, как категория надежды, лица, времени и вида глагола и т. п. С другой стороны, грамматика имеет дело с абстракцией, основанной на обобщении лексических значений слов, характеризующихся присущими им категориями и формами. Именно этот второй вид абстракции до некоторой степени сближает грамматику с лексикой.

Связь грамматики и лексики обнаруживается прежде всего при выделении основных грамматических категорий языка — частей речи. Категории частей речи отражают в себе оба названные выше вида абстракции; поэтому в известной степени они выступают как очень широкие группы слов, обобщающие лексический материал языка. Так, например, категория имени существительного представляет собой обобщенное выражение большого разряда слов, обозначающих предметы. Но объединяющее все эти слова значение предметности может рассматриваться как фактор, подлежащий грамматическому изучению, только потому, что это значение находит себе в языке определенное грамматическое выражение: слова, обозначающие предметы, имеют специфические грамматические категории — категории имени существительного как части речи.

В то же время внутри класса слов с общим отвлеченным и грамматически оформленным значением предметности могут быть выделены группы слов, обладающие более узкими по сравнению со всем классом имен существительных грамматическими признаками и объединенные тоже абстрактным, отвлеченным, но более частным, более узким значением. Таковы, например, в русском языке имена существительные на *-ение*, *-ние* со значением действия: *умножение*, *зажигание*, *усвоение*, *просвещение* и т. п. При всем разнообразии своих лексических значений такие слова все же образуют и лексически, и грамматически относительно единообразную группу внутри имен существительных; специфическим

грамматическим признаком их является отсутствие форм множественного числа.

Грамматика дает описание всех типов грамматических единиц конкретного языка, как более общих, так и более частных. В разных языках количество этих грамматических единиц будет очень различным. Но как бы ни дробилась общая грамматическая категория на более частные подразделения, эти подразделения не перестают отражать в отвлеченном виде те реальные отношения, которые лежат в основе всякой грамматической абстракции.

Наличием более общих и более частных грамматических категорий, связанных с семантикой групп слов, определяется то, что конкретные грамматические правила часто распространяются именно на эти — большие или меньшие по объему и более или менее четко очерченные — лексико-семантические группы слов. Так, например, в тунгусо-маньчжурских языках (за исключением маньчжурского) в составе имени существительного выделяется особая группа основных терминов родства, характеризующаяся целым рядом морфологических особенностей: 1) наличием у каждого из них двух супплетивных основ: звательной и повествовательной; 2) отсутствием у звательной формы категорий склонения, притяжения (поскольку при прямом обращении родство определяется только по отношению к говорящему лицу) и форм множественного числа (вместо него — категория собирательности); 3) обязательностью наличия у повествовательной формы категорий притяжения (поскольку в этом случае всегда необходимо указание на то, о чьем родственнике идет речь) и 4) наличием специфических аффиксов множественного числа, не тех, что у существительных. Вот примеры из нанайского языка: *ама* «отец» (зват. форма) — *амин* — то же (основа повествоват. формы, которая имеет следующие притяжат. формы: *амимби* «отец-мой», *амиси* «отец-твой», *амини* «отец-его, её», *амимпу* «отец-наш», *амису* «отец-ваш», *амичи* «отец-их», *амимби* «отца-своего» — при подлежащем в ед. числе, *амимбари* «отца-своего» — при подлежащем во мн. числе); соответственно этому: *эне* — *энин* — «мать», *ага* — *аг-* «старший брат», *эгэ* — *эйкэ-* «старшая сестра», *нэку* — *нэу-* «младшие брат или сестра», *эчэкэ* — *эксэн-* «младший брат отца», *гучэкэ* — *гусин-* «младший брат матери» и т. п.

Для всех имен существительных аффиксом множественного числа является *-сал/|-сэл*, а для повествовательных форм основных терминов родства — *-л/|-лтал/|-лтэл*, например: *дангсасалби* «книжки-мои», *игонкансалби* «односельчане-мои», *алосимдисалби* «учителя-мои», но *аилби/|аилталби* «старшие братья-мои», *эйкэлтэлби* «старшие сестры-мои», *нэилби/|нэилтэлби* «младшие братья и сестры-мои» и т. п.

Среди имен существительных выделяется также группа названий частей тела, которые обладают следующей морфологической особенностью: все они употребляются в речи только в притяжательных формах. Можно сказать: *нгалаи* «рука-моя», *нгаласи* «рука-твоя», *нгалани* «рука-его, её» и т. п., но в чистой основе слово *нгала* может встретиться лишь в словаре.

В отношении форм множественного числа в нанайском языке на основании чисто семантических признаков особняком стоят имена существительные вещественные, парные, отвлеченные. Так намечаются разнообразные связи грамматики с лексикой и семасиологией.

*

При составлении описательных грамматик четко разграничиваются задачи двух основных разделов — морфологии и синтаксиса. В морфологии должны быть охарактеризованы способы словообразования и слово-

изменения, части речи с присущими им грамматическими категориями, явления перехода одной части речи в другую и т. д. Описание каждой грамматической категории должно сопровождаться характеристикой ее значения и морфологических показателей. Синтаксические же функции той или иной грамматической формы должны быть рассмотрены в синтаксисе.

Нередко одни и те же грамматические категории рассматриваются с разных точек зрения в разделе морфологии и в разделе синтаксиса. Так, например, в тюркских языках значение принадлежности выражается морфологически: основы имен существительных обладают свойством принимать специальные аффиксы, выражающие принадлежность предмета, названного данным именем, какому-либо лицу или предмету. Наличие или отсутствие притяжательных аффиксов определяет склонение имен — лично-притяжательное или безличное. В разделе синтаксиса эти же аффиксы при именах существительных рассматриваются как средство выражения синтаксических отношений определения и определяемого и как оформитель особого определительного словосочетания.

Иногда та или иная грамматическая категория, характеризующая слово как часть речи, выявляется только синтаксически. Например, в горских дагестанских языках категория грамматического класса имен существительных выявляется не в форме существительного, а в форме глагола, качественного имени прилагательного, числительного. Поэтому грамматический класс имени существительного в этих языках может быть выявлен только при анализе словосочетания или предложения. Ср. в аварском языке: *рос в-ёгула* «муж поднимается»; префикс *в* в составе глагола *вегула* показывает грамматический класс имени существительного *рос* «муж»; в примере *ч'у́жу йёгула* «жена поднимается» в составе того же глагола мы находим префикс *й-*, характеризующий грамматический класс имени существительного *ч'у́жу* «жена».

Эргативная конструкция предложения, являющаяся синтаксической конструкцией, характерной для переходных глаголов, отражается на морфологической системе имени и глагола в любом из иберийско-кавказских языков. Она связана с особой морфологической конструкцией глагола-сказуемого, со специфическим для нее выражением субъектно-объектных отношений и со специальной падежной формой для реального субъекта. Так, в лакском языке: *Танáл б'у́ккунма бур лу* «Он прочитал книгу», где *танáл* «он» представляет собой форму эргативного падежа от им. падежа *та* «он»; *б-у-в-кку-н-м-а* — причастие «прочитав», в составе которого префикс *б-* — показатель грамматического класса прямого дополнения (*лу* «книга»), *-в-* — второй формант грамматического класса того же прямого дополнения; *-н-м-* — третий вариант показателя грамматического класса, к которому относится слово *лу* «книга»; *б-ур* — связка «есть», в которой префикс *б-* также служит показателем грамматического класса прямого дополнения; *лу* «книги» — прямое дополнение в им. падеже.

Таким образом, в эргативной конструкции и в системе грамматических классов перекрещиваются, с одной стороны, морфологические явления (система склонения и система спряжения), с другой — синтаксические явления (особая форма построения переходного предложения, выражение субъектно-объектных отношений).

Наглядным примером тесной связи между морфологией и синтаксисом может служить также тот факт, что некоторые падежи могут употребляться только в определенных синтаксических конструкциях. Так, например, русскому родительному падежу в коми языке соответствуют два падежа — собственно родительный и притяжательный. Притяжательный

падеж употребляется в тех случаях, когда относящееся к нему или определяемое им имя существительное является в предложении прямым дополнением, например: *Бáтьлõн кёрка мýча* «Дом отца красив», но *áддза бáтьлысь кёрка* «Вижу дом отца», где слово *бать* употреблено в притяжательном падеже.

В описательной грамматике реальное соотношение разделов морфологии и синтаксиса, естественно, будет зависеть от особенностей системы и структуры того или иного языка. Например, в финно-угорских, тюркских, монгольских, горских иберийско-кавказских языках большую роль играют послелого и отсутствуют, как правило, характерные, например, для русского языка, предлоги. Естественно, что при описании морфологии перечисленных языков характеристика послелогов должна занять соответствующее место⁶. В тех языках, где наряду с притяжательными местоимениями существуют притяжательные суффиксы, следует дать парадигмы склонения имен существительных с притяжательными суффиксами. Там, где особый удельный вес имеют причастные и деепричастные конструкции, следует уделить им наибольшее внимание в разделе синтаксиса.

Таким образом, при составлении описательных грамматик реальное соотношение языковых явлений определяет и реальное соотношение соответствующих разделов грамматики. Даже в пределах одной и той же группы родственных языков оно может быть различным. В этом отношении показательны родственные между собой горские западнокавказские (абхазо-адыгские) и восточнокавказские языки. В то время как в абхазо-адыгских языках очень слабо развита система склонения, в горских дагестанских языках эта система развита очень сильно. Несомненно, что разделы морфологии, посвященные имени существительному, имени прилагательному, имени числительному, в грамматике любого из абхазо-адыгских языков будут резко отличаться от соответствующих разделов в грамматике того или иного горского дагестанского языка.

*

При составлении научной грамматики должны быть строго определены принципы описания грамматических явлений конкретных языков. Задача описательной грамматики заключается в том, чтобы дать тщательную и полную классификацию всех грамматических категорий и форм определенного языка и изложить правила использования их в соответствии с реальным состоянием этого языка в данную историческую эпоху.

Перед составителями описательных грамматик языков различных систем встают вопросы разного характера, разной степени трудности. Одним из наиболее трудных вопросов является вопрос о классификации частей речи, к которому в той или иной форме постоянно возвращаются специалисты по языкам тюркским, монгольским, иранским, финно-угорским и другим. Трудность эта объясняется тем, что в каждом языке система частей речи обладает известным своеобразием. Исследователь языка часто подходит к классификации частей речи с предвзятым представлением, которое обычно объясняется влиянием известной исследователю

⁶ Известно, что послелого бывают двух типов — в одной окаменелой форме и с некоторыми падежными формами. Поэтому при характеристике послелога в окаменелой форме приходится ограничиваться характеристикой его собственного значения, тогда как при описании послелогов с падежными формами необходимо описать значение этих последних. В то же время надлежит выяснить отношение падежных форм послелогов к формам наречий послеложного происхождения, имея в виду тенденцию падежных форм послелогов превращаться в наречия.

грамматической схемы другого, хорошо изученного языка. В наших условиях таким образом чаще всего является схема грамматик русского языка. Само по себе сопоставление разных грамматических систем полезно: оно позволяет лучше выявить специфические особенности грамматического строя изучаемого языка. Отрицательные результаты такого сопоставления сказываются только тогда, когда под эту известную грамматическую схему начинают искусственно подгонять факты другого языка. Все мы сейчас разделяем мысль Л. В. Щербы о том, что «в вопросе о „частях речи“ исследователю вовсе не приходится к л а с с и ф и ц и р о в а т ь слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой...»⁷. Однако осуществляется этот принцип не всегда последовательно.

В недавно опубликованной статье А. И. Исакова справедливо отмечается, что основной причиной недостаточно четкой классификации частей речи в наших грамматиках по тюркским языкам является «... „навязывание“ тюркским языкам „чуждых им категорий“ и „рассматривание их сквозь призму других языков“...»⁸. Но автор этих слов сам допускает аналогичную ошибку, когда на той же самой странице пишет о «...сильной развитости явлений субстантивации, адъективации и адвербиализации отдельных частей речи...»⁹ в казахском языке. Здесь имеются в виду имена прилагательные, которые в большинстве тюркских языков обладают чрезвычайно широкими синтаксическими функциями, в ряде случаев сближающими имена прилагательные с другими частями речи. Это сближение дало основание одним исследователям усматривать здесь проявление недифференцированности частей речи в тюркских языках, другим — «сильное развитие субстантивации, адъективации и адвербиализации». В качественном прилагательном, выступающем в роли обстоятельства, непременно хотят видеть наречие, которое либо «еще не дифференцировано от имен прилагательных», либо является «результатом адвербиализации прилагательного». Ни к тому, ни к другому объяснению не нужно было бы прибегать, если бы исследователи признали тот несомненный факт, что некоторые имена прилагательные в тюркских языках обладают весьма широкими синтаксическими функциями.

Привычная грамматическая схема, стандартная классификация мешала (и часто еще до сих пор мешает) грамматистам увидеть в изучаемом языке особое, своеобразное, самобытное. В этом отношении очень показательно то, как пробивали себе дорогу в грамматике тюркских языков образные и звукоподражательные слова как особая часть речи, которая пока еще не получила там прав гражданства. Эти слова начали отмечаться исследователями с конца XIX в. В работах Н. И. Ашмарина, позднее — Н. К. Дмитриева выделялся особый род междометий — звукоподражательные и образные слова. В 1943 г. была опубликована работа Л. Н. Харитоновой «Неизменяемые слова в якутском языке»¹⁰, в которой впервые, хотя и не четко, был поставлен вопрос о существовании в якутском языке образных и звукоподражательных слов как особой части речи. Более ясно эта идея проведена в его же книге «Современный якутский

⁷ Л. В. Щ е р б а, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», Новая серия, II, Л., «Academia», 1928, стр. 6.

⁸ А. И с а к о в, О классификации частей речи в казахском языке, сб. «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке», Ташкент, Изд-во АН Уз. ССР, 1952, стр. 126.

⁹ Там же.

¹⁰ Л. Н. Х а р и т о н о в, Неизменяемые слова в якутском языке, Якутск, Гос. изд-во ЯАССР, 1943.

язык»¹¹, в которой образные и звукоподражательные слова выделены наряду с наречиями, послелогами и частицами. В 1951 г. А. И. Исковым была высказана мысль, что подражательные слова в казахском языке составляют особую категорию слов (часть речи)¹². В 1952 г. им же в упоминавшейся выше статье «О классификации частей речи в казахском языке» было высказано утверждение о том, что подражательные слова составляют особую часть речи не только в казахском языке, но и во всех других тюркских языках.

Характерно, что прежде в описательных грамматиках «образным» или «подражательным» словам почти не уделялось внимания, хотя в ряде языков, например в якутском, они чрезвычайно распространены: условная грамматическая схема мешала обратить на них внимание и найти им соответствующее место в грамматиках. Весьма возможно, что дальнейшее изучение языков народов СССР позволит выявить еще много такого, на что до сих пор не обращалось достаточного внимания.

Специальных дискуссий и обсуждений требует вопрос о частичном оформлении частей речи, например, категории прилагательного в тюркских и финно-угорских языках.

При выделении и классификации частей речи следует опираться на сумму определенных признаков: 1) на обобщенное семантико-грамматическое значение слова; 2) на систему его форм с соответствующим кругом категорий; 3) на систему словообразовательных средств данного разряда слов; 4) на синтаксические функции слов. Соотношение этих признаков в разных языках различно. Однако именно на основании учета всех этих признаков для каждого отдельного языка выделяется своя система частей речи, не всегда совпадающая с системой частей речи родственных языков и тем более языков неродственных. За пределами этой системы могут оставаться отдельные слова и группы слов, отражающие живые процессы перехода слов одной части речи в другую, развитие или отмирание отдельных грамматических категорий. Реальный языковой материал, факты должны определять грамматическую теорию. Эта теория, будучи правильно построенной, помогает лучше понять и осмыслить факты конкретных языков.

С вопросом о выявлении специфических категорий конкретного языка связан вопрос о грамматической терминологии, возникающий при изучении мало изученных бесписьменных и младописьменных языков. При описании грамматического строя таких языков исследователь лишен возможности опереться на традицию. Поэтому ему необходимо сначала выявить специфические особенности грамматических категорий этих языков и лишь после этого давать этим категориям то или иное терминологическое наименование. Обратный путь может привести к тому, что исследователь окажется в плену традиционных терминов, которые могут помешать ему уяснить самобытную специфику самого изучаемого грамматического явления, толкнуть на искусственное отыскивание в изучаемом языке категорий другого языка. Таким образом, вопрос о терминологии выходит за рамки вопроса об условной грамматической номенклатуре и перерастает в проблему метода исследования.

В то же время следует покончить с терминологическим разнобразием, который мешает уяснению специфики близких грамматических явлений. Показательно в этом отношении прошедшее неочевидное время, встре-

¹¹ Л. Н. Харитонов, Современный якутский язык, ч. I. Фонетика и морфология, Якутск, Гос. изд-во ЯАССР, 1947.

¹² См. А. И. Исков, О подражательных словах в казахском языке, «Тюркологический сборник», I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 103.

чающееся в некоторых финно-угорских и тюркских языках, которое до сих пор, несмотря на несомненное сходство значений, не имеет единого названия. Иногда его называют вторым прошедшим (в «Грамматике литературного коми языка» Д. В. Бубриха, 1949), прошедшим неочевидным (в грамматиках марийского языка), прошедшим настоящим или перфектом (в «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриева, 1948), прошедшим неопределенным (в грамматическом очерке, помещенном в «Чувашско-русском словаре» В. Г. Егорова, 1935). Несомненно, что точная научная терминология содействует правильному пониманию самого называемого явления.

*

Среди основных вопросов грамматики особо выделяются вопросы описательного синтаксиса конкретных языков. Для большинства языков народов СССР синтаксис — наименее разработанная часть их грамматик. Так, ни для одного из тюркских языков нет полного и всестороннего описания его синтаксической системы. В существующих грамматиках кумыкского, алтайского, шорского, турецкого, казахского, башкирского, узбекского и других языков либо дается только описание структуры предложения (например, в работах А. Н. Кононова по турецкому и узбекскому языкам), либо рассматриваются лишь некоторые — хотя и очень важные — вопросы синтаксиса (например, у Н. К. Дмитриева, который в «Грамматике башкирского языка» так и называет соответствующий раздел: «Основные вопросы синтаксиса простого предложения»). Так же обстоит дело с изучением синтаксиса монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских и палеоазиатских языков.

В разделе синтаксиса, кроме учения о предложении, обязательно должно содержаться также учение о словосочетаниях как о синтаксической единице, неоднородной с предложением, имеющей свои формы и свои функции в речи.

В научной литературе последних лет, особенно в работах по русскому языку, по-новому ставятся и разрешаются вопросы о словосочетании: о самом характере этой синтаксической единицы, о характере выражаемых словосочетанием отношений, об объеме словосочетания, о его форме и значении, о его отношении к предложению и к слову. Однако следует признать, что при изучении некоторых языков Советского Союза словосочетаниям до сих пор не уделяется должного внимания. Так, почти все существующие научные труды по горским иберийско-кавказским языкам в области синтаксиса ограничиваются описанием конструкций предложения и почти совершенно не затрагивают проблемы словосочетания. Игнорирование проблемы словосочетания свойственно подавляющему большинству работ, посвященных вопросам синтаксиса аварского, лакского, даргинского, лезгинского, кабардинского, адыгейского и других горских иберийско-кавказских языков. В результате до сих пор нет ни одного специального исследования по вопросу о словосочетаниях в этих языках.

При изучении словосочетаний следует иметь в виду их многообразие, их структурную неоднородность. Поэтому необходимо ограничивать от так называемых «свободных» словосочетаний те устойчивые словосочетания, которые тяготеют к лексике и по существу не должны изучаться в синтаксисе.

С вопросом о словосочетаниях тесно связан вопрос о типах связей слов в словосочетании. Это — один из основных вопросов структуры словосочетания. В работах по синтаксису большинства языков он еще только теперь начинает ставиться. Даже для таких языков, как тюркские, где

именные словосочетания уже давно обратили на себя внимание и были так или иначе описаны, словосочетания до сих пор рассматривались в отрыве от изучения способов связи слов.

Выбор того или иного способа связи слов при образовании словосочетания определяется характером синтаксических отношений и морфологической природой вошедших в него слов. Так, например, возможность присоединения притяжательных суффиксов к именам существительным в тюркских языках обуславливает наличие особых форм связей определяемого и определения (изафетная конструкция). Например, в татарском языке: *пролетариат диктатурасы* «диктатура пролетариата», *Урал заводлары* «заводы Урала» и т. д. В свою очередь способ связи слов определяет форму словосочетания, которая выражается различными аффиксами (принадлежности, падежа), служебными словами, а также и расположением членов словосочетания (порядок слов). Так, в таджикском языке порядок слов, выражающийся формулой «определяемое + определение», и наличие изафетной конструкции обуславливает специфику словосочетаний этого типа; например, *китоби хуби бирадари бузурги ман* «хорошая книга моего старшего брата». В некоторых языках к оформителям словосочетаний могут быть отнесены и некоторые словообразовательные аффиксы (в отдельных тюркских языках), и классные показатели (в иберийско-кавказских языках).

Известные во многих языках основные способы связи слов в предложении — согласование, управление и примыкание — в разных языках имеют разное применение. В значительной части языков народов СССР отсутствует согласование прилагательного и существительного. Ср. в татарском языке: *кызыл ччэк* «красный цветок», *кызыл ччэкнеч* «красного цветка» и т. д.; в коми: *гөрд чышъян* «красный платок», *гөрд чышъянлөн* «красного платка», *гөрд чышъянлы* «красному платку» и т. д.

В некоторых языках существуют способы связи слов, отсутствующие в других языках, например, инкорпорация в палеоазиатских языках. Все это свидетельствует о сложности и многосторонности проблемы словосочетания, его формы и характера связей его компонентов, и убеждает, что изучение словосочетаний в каждом конкретном языке требует тщательного и всестороннего учета специфики данного языка.

Как уже отмечалось выше, проблема словосочетания связана не только с вопросами синтаксиса: она относится и к лексикологии. Во многих языках словосочетания по своей форме сближаются со словом: они принимают общий для всего словосочетания показатель синтаксического отношения к другим словам и словосочетаниям в предложении (например, падежный аффикс при изафетном словосочетании в тюркских языках); иногда словосочетания принимают даже и общий словообразовательный аффикс (например, в якутском языке). Во многих языках словосочетания образуют тесные смысловые единства и на их основе легко формируются сложные слова, фразеологические сочетания и идиомы (ср. якутск. *кыһыл көмүс* «золото»; кирг. *көз көзүс* «терпение», буквально: «широкая спина»; кирг. *оң көз* «надежный человек»).

Для ряда языков Советского Союза не разрешен вопрос о специфике сложноподчиненного предложения. Особенно это относится к тем языкам, в которых отсутствует выражение подчинения в сложном предложении посредством подчинительных союзов и где широко развиты так называемые причастные и деепричастные обороты (языки тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и некоторые другие).

Причастия или, как их часто называют, глагольные имена во многих языках представляют собой очень своеобразные формы глагола. Обладая широкими синтаксическими функциями, они имеют словоизменение и

глагола, и имени. Эти формы стоят на разных ступенях своего исторического развития; они очень подвижны. Одна и та же причастная форма в разных языках, относящихся к одной семье, может быть то ближе к именам существительным, то ближе к собственно глагольным формам. Так, например, форма на *-дык* в туркменском языке стоит на грани перехода в имена существительные, тогда как аналогичная форма в якутском языке (аффикс *-тах*) может быть отнесена к собственно глагольным формам. В орхонских памятниках — это причастная форма, обладающая широкими синтаксическими функциями.

Но и в пределах одного языка разные причастные формы нередко оказываются неоднородными. Одни из них сохраняют всю полноту синтаксических функций глагола; другие тяготеют или даже совсем перешли в состав имен существительных, сохранив управление глагольной основы, и только в особых оборотах выступают как причастия; третьи, наконец, являются собственно глагольными формами и тоже только в особых случаях обнаруживают свое причастное происхождение.

В каждом из тюркских языков эти процессы протекают по-своему, и потому для установления роли так называемых причастных оборотов в синтаксисе того или иного языка необходимо детальное описание системы глагольных форм с тем, чтобы выявить их синтаксические функции и особенно синтаксические функции причастий и деепричастий.

При описании синтаксиса почти для каждого из этих языков высказываются обычно две противоположные точки зрения, из которых одна отрицает за причастными оборотами право называться придаточными предложениями, считая их развернутыми членами простого предложения, другая, напротив, считает именно их основной формой придаточного предложения в этих языках. Некоторые, правда, находят возможным часть причастных оборотов рассматривать как придаточные предложения, другую часть считать членами простого предложения (Н. К. Дмитриев)¹³. Эти разногласия объясняются, с одной стороны, особенностью самих причастных и деепричастных форм в данных языках, а с другой — и подходом исследователей к изучаемым явлениям.

Очевидно, что в этих языках необходимо специально исследовать систему средств выражения подчинительной связи. Необходимо решить вопрос — можно ли считать наличие относительных местоимений, с помощью которых выражается подчинение, например, в русском языке, обязательным признаком придаточного предложения, или в других языках могут существовать другие способы выражения подчинения (как, например, в горских иберийско-кавказских и некоторых других языках построение определенных типов сложного предложения путем присоединения к глагольной форме специального аффикса, благодаря которому данная глагольная форма становится сказуемым придаточного предложения). Решение этого вопроса, казалось бы, должно было вытекать из рассмотрения конкретного материала различных языков. Однако очень часто исследователи исходят не из этих материалов, а из априорного утверждения, что придаточными предложениями можно считать только те, отношения которых к главному выражены специальными подчинительными союзами или союзными словами, или из другого столь же априорного положения, что всякое выражение сложной мысли есть сложное предложение.

¹³ Отметим также, что некоторые исследователи (Т. А. Бертагаев) в монгольских языках обнаруживают придаточно-подчиненные предложения, не сводимые к причастным и деепричастным оборотам, которые поэтому и не определяются как придаточные предложения.

Особого внимания заслуживает вопрос об отграничении конструкций книжной, письменной речи от конструкций, составляющих специфическую особенность речи разговорной. Хотя такое разграничение может быть более или менее последовательно проведено лишь для старописьменных языков, а для языков младописьменных нормы письменной речи опираются в основном на разговорную речь носителей данного языка, но в то же время несомненно, что вновь складывающиеся литературные языки уже в процессе своего формирования вырабатывают формы и конструкции, отличающие письменную речь от устной. При этом следует различать, с одной стороны, конструкции, возникшие на основе развития грамматического строя данного языка по его внутренним законам, и, с другой стороны, — синтаксические кальки. В этом плане особое внимание должны, например, привлечь живые процессы и пути образования сложных предложений и других синтаксических конструкций в литературе и публицистике младописьменных языков, находящихся в этом отношении под благотворным влиянием русского языка.

Так, например, в литературном коми языке все шире используется творительный падеж действителя (*Кёркасö стрóйтöма плóтникясöн* «Дом построен плотниками»). В удмуртском языке, структура которого в древности напоминала структуру тюркских языков, в настоящее время оформились, хотя и не полностью, сложноподчиненные предложения, например: *Стахановецёс, кудёсыз заводын ужало* «Стахановцы, которые работают на заводе»; *Ваньмыз тодö, ма каронö* «Все знают, что делать» и т. д.¹⁴; в мордовском: *Штöбу кармавтöмс лóматнень кúnсоломост, князтне, хáнтне ды инязóртнэ пóкшолгавтнестъ эсёст дружýнаст* «Чтобы заставить людей повиноваться, князья, ханы и цари увеличивали свои дружины». Характерно также для мордовского синтаксиса развитие придаточных предложений, вводимых союзом *што* (русс. «что»).

Отмечая новые конструкции, научная описательная грамматика в то же время должна предостеречь от некритического калькирования несвойственных данному языку конструкций (ср. нередкие случаи именно такого калькирования в литературе на горских иберийско-кавказских языках).

*

Много неразрешенных вопросов связано с проблемами словообразования и его места в системе грамматики. Традиционная описательная грамматика включает словообразование в морфологию — в описание тех или других частей речи. Однако вопрос о месте словообразования не может решаться в традиционном плане. Марксистское понимание соотношения грамматики и лексики помогает точно определить место словообразования как самостоятельного раздела, тесно связанного как с грамматикой (морфологией), так и с лексикологией. Абстракция, выражаемая словообразовательными формативами, до некоторой степени сближается с абстракцией в лексике, поскольку здесь выделяются категории предметов и явлений, обладающие теми или иными признаками. В то же время в ряде языков словообразование сближается также с морфологией, поскольку определенные словообразовательные типы закономерно связаны с определенными типами словозменения.

«Словообразование, — пишет В. В. Виноградов, — является, с одной стороны, связующим звеном между основным словарным фондом и грамматикой языка, а с другой — оно определяет формы и виды

¹⁴ См. П. Н. Перевощиков, Краткий очерк грамматики удмуртского языка (синтаксис, лексика, морфология), «Удмуртско-русский словарь», М., Изд-во иностр. и нац. словарей, 1948, стр. 369—446.

связей и взаимодействий основного словарного фонда с общим словарным составом языка»¹⁵. Поэтому можно думать, что тщательное и всестороннее изучение всех способов словообразования в отдельных конкретных языках, описание всех продуктивных и непродуктивных способов образования новых слов, строго научное разграничение словообразования и формообразования в дальнейшем приведет к выделению словообразования в самостоятельный раздел языкознания. Однако наша современная грамматическая наука пока еще не дала образцов построения словообразования как такого самостоятельного раздела. По традиции оно рассматривается в разделе морфологии, при описании соответствующих частей речи. Для этого есть свои основания: как уже сказано, словообразовательные категории во многих языках тесно связаны с определенными грамматическими классами слов и с категориями словоизменения.

Так же, как и при описании всех других языковых явлений, при описании словообразования необходимо прежде всего выделять специфическое, особое для данного языка. Так, например, в описании словообразования в тюркских, монгольских и других языках необходима характеристика не только хорошо в них изученного морфологического словообразования, но и мало изученного словообразования аналитического. В тюркских языках аффиксальное словообразование изучено сравнительно хорошо. Однако этого нельзя сказать о словообразовании аналитическом, которое только в самое последнее время стало привлекать к себе внимание исследователей (ср. описание «сложных глаголов» в работах А. Н. Кононова). Данный способ словообразования не обращал на себя внимания прежних исследователей, которые пытались описывать тюркское словосложение по индоевропейским образцам. Эти исследователи обращали внимание лишь на те случаи сложения основ, когда в сложном слове не сохранялась форма словосочетания (например, *бугун* «сегодня» из *бу кун* «этот день»).

Словосложение с сохранением синтаксической формы словосочетания, являющееся основной формой сложения основ в тюркских языках, в редких грамматиках рассматривается как способ образования сложных слов. Даже в тех языках, в которых структура, например, парных слов позволяет проследивать их во всех частях речи (ср. в якутском), они отмечаются только для имен существительных и прилагательных. Между тем создание терминов в литературных языках тюркоязычных народов выявило в очень широких масштабах, что словосложение в этих языках происходит аналитически, причем форма словосочетания выбирается в зависимости от отношения слагаемых основ (ср., например, кирг. «мировоззрение» — *дуйнөгө көз караш*, «миролюбие» — *тынычтыкты суйуучулук*).

Но эти материалы в наши грамматики еще не попали, повидимому, на том основании, что такие слова считаются переводными. Однако нельзя отрицать, что такие переводные слова отражают национальную специфику словообразования, что большая часть этих переводных терминов вошла в специальную лексику того или иного языка и постоянно употребляется на страницах газет, журналов, в выступлениях на собраниях и т. п.

Анализ изданных уже в самое последнее время грамматических работ свидетельствует об ошибках и путанице в описании системы словообразования. В этом отношении показательна выпущенная в 1951 г.

¹⁵ В. В. Випоградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 119.

«Грамматика азербайджанского языка»¹⁶. Следует признать, что система словообразования азербайджанского языка описана здесь неудовлетворительно. Составители ограничились простым перечнем словообразовательных аффиксов, не дали полного описания их значения, обошли вопрос о продуктивности или непродуктивности тех или иных аффиксов. В книге отсутствуют указания на случаи перехода от формообразования к словообразованию, ничего не говорится об аналитическом словообразовании в азербайджанском языке. Правда, здесь есть раздел, посвященный сложным словам, но в этом разделе неправомерно объединены действительно сложные слова, образовавшиеся из словосочетаний, и свободные словосочетания, состоящие из двух или нескольких слов. Этот раздел книги представляет собой простой перечень разных видов словосочетаний с разной степенью лексико-синтаксической спаянности компонентов.

Очень слабо разработаны вопросы словообразования в горских иберийско-кавказских языках, несмотря на то, что словообразование в этих языках имеет свои ярко выраженные специфические особенности. В результате вместо того, чтобы при создании новой научной терминологии, использовать собственные способы словообразования, писатели, переводчики и журналисты нередко переносят в свои языки искусственные, не свойственные этим языкам способы словообразования, допускают грубые ошибки и разноречие при создании новых терминов. Например, в литературе на кабардинском языке при образовании имен прилагательных от существительных то используют русский словообразовательный суффикс *-ск*, то употребляют имя существительное в функции прилагательного без какого-либо специального суффикса (например, *Азербайджанскэ республикэ* и *Азербайджан республикэ*). Аналогичные факты имеют место и в других младописьменных горских иберийско-кавказских языках.

Разработка вопросов словообразования с учетом национальной языковой специфики — одна из первоочередных задач составителей описательных грамматик конкретных языков.

*

Описательная грамматика не может быть освобождена от элементов истории языка; без учета исторических процессов не могут быть правильно поняты те постепенные изменения, которые происходят в грамматической системе языка на всех этапах его развития, в том числе и на современном этапе, не могут быть осмыслены некоторые реликтовые явления в современной грамматической системе — так называемые «исключения» из действующих правил. Это значит, что факты современного языка, требующие исторических комментариев, обязательно должны сопровождаться такими комментариями. Ф. Энгельс указывал, что понять язык можно лишь тогда, «когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие»¹⁷, что отсутствие исторического фундамента при исследовании языка ведет к возрождению старомодной грамматики со всей ее произвольностью¹⁸. Ф. Энгельс наметил и пути воссоздания исторической картины развития конкретного языка, идущие по двум основным линиям: 1) изучение отживших или отживающих форм описываемого языка и 2) сравнительное изучение данного языка наряду с языками, нахо-

¹⁶ Грамматика азербайджанского языка, под ред. М. Ширалиева и др. ч. I, Баку, Изд-во АН Азерб. ССР, 1951 [на азерб. яз.].

¹⁷ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 303.

¹⁸ См. там же, стр. 304.

дящимися с ним в той или иной степени генетического родства, причем с языками не только живыми, но и мертвыми¹⁹.

Исторический подход к изучению младописьменных и бесписьменных языков значительно осложняется отсутствием сколько-нибудь древних памятников. Всю, даже относительно недалекую историю этих языков и отдельных их элементов приходится восстанавливать исключительно исходя из их современного состояния, из состояния их диалектов и из современного же, как правило, состояния родственных им языков.

Особенно важное значение при этом имеет изучение различного рода исключений из действующих правил, причем эти исключения чаще всего представляют собой пережиточные явления, а установление «пережиточности» того или иного явления и раскрытие его существа наиболее полно осуществляется сравнительно-историческим анализом. Для языков же, не имеющих генетического родства с другими языками, или таких, генетические связи которых в науке остаются невыясненными (например, из языков народностей Севера: нивхский, кетский, юкагирский), единственным путем восстановления их истории остается изучение сохранившихся в них пережитков.

В описательной грамматике любого современного языка исторические экскурсы не должны превращаться в самоцель; они должны служить средством для более глубокого понимания грамматической системы современного языка.

Так, например, чтобы понять различие форм основы в именительном и косвенных падежах некоторых финских имен существительных (например, *järvi* «озеро», род. падеж *järven* «озера»), полезно напомнить, что именительный падеж этого слова некогда также оканчивался на *e*. Для объяснения появляющегося в некоторых основах слов коми языка звука *й* перед формой притяжательного суффикса 3-го лица (например, *гыж* «копыто», *гыжйыс* «его копыто») полезно также указать, что этот *й* представляет видоизменение конечного гласного некогда двусложной основы. При описании так называемого продленно-прошедшего времени, встречающегося в эрзя-мордовском языке (например, *ловнылинь* «я читал», *ловнылитъ* «ты читал», *ловныль* «он читал» и т. д.), уместно указать, что в его образовании некогда участвовал вспомогательный глагол *улемс* «быть», откуда его совпадение с суффиксами сказуемости типа *ломанелинь* «человек был я», *ломанелитъ* «человек был ты» и т. д. Полезно также прибегать к историческим экскурсам в случаях омонимии форм. Например, в молдавском языке 3-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени некоторых типов глаголов имеет одинаковую форму (например, *кынтэ* «он поет» и *кынтэ* «они поют»), где первое восходит к латинскому *cantat*, а второе к *cantant*. Исторический экскурс в данном случае поможет понять и определить современные грамматические формы.

Что касается сопоставления описываемого языка с фактами родственных языков, то и в этом случае все должно быть подчинено основной цели: всесторонне охарактеризовать особенности грамматики данного языка в его современном состоянии, и лишь в той мере, в какой сопоставления с родственными языками непосредственно способствуют этой задаче, они нужны и желательны.

Однако на этом пути перед исследователем возникает немало трудностей. Так, при составлении тюркских грамматик сопоставления затрудняются неравномерностью изученности разных языков. Дело осложняется еще тем, что тюркские языки имеют, как известно, много общего с языками монгольскими и тунгусо-маньчжурскими. Кроме того, не следует

¹⁹ См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 303.

забывать и тот факт, что нередко очень своеобразные взаимоотношения складываются между тюркскими языками, с одной стороны, и языками других семей, с которыми непосредственно граничат тюркские народы, — с другой (ср., например, взаимодействие между языками узбеков и таджиков, уйгуров и китайцев, тувинцев и монголов, якутов и эвенков, чувашей и марийцев и т. д.). Поэтому, пользуясь сравнительно-историческим методом при описании грамматики того или иного современного тюркского языка, исследователь должен учитывать своеобразное положение данного языка в кругу других родственных и соседних неродственных языков.

Исторические и сравнительно-исторические экскурсы в описательной грамматике должны служить и другой цели: они должны способствовать выявлению живого и продуктивного в языке. Во многих младописьменных и бесписьменных языках Советского Союза в настоящее время под влиянием русского и других старописьменных национальных языков развиваются новые грамматические формы и категории. Например, к числу новых явлений, которые должны получить свое отражение в грамматике младописьменных и бесписьменных восточнокавказских и западнокавказских языков, относятся: 1) развитие личного спряжения в младописьменном лакском, бесписьменном бацбийском и других языках; 2) превращение послелогов в глагольные аффиксы в младописьменных абхазском, даргинском, бесписьменных кистинском, хиналутском и других языках под влиянием русского и грузинского языков; 3) развитие относительного подчинения в кабардинском, аварском, кистинском, бацбийском, крызском и других языках. Такие новые, зарождающиеся явления должны найти свое полное отражение и объяснение в описательных грамматиках соответствующих языков.

Роль грамматик в развитии языков чрезвычайно велика. Поскольку описательная грамматика устанавливает систему норм, систему действующих правил, определяет живые тенденции языкового движения и на научных основаниях отвергает то, что противоречит законам языка, постольку описательная грамматика направляет развитие литературного языка по правильному пути. Полная, строго научная, построенная на правильных методологических основах описательная грамматика помогает не только познать и изучить языковые законы и правила, но и применить их вполне сознательно в интересах людей, в интересах постоянного совершенствования языка как средства общения людей в обществе.

Языковые категории абстрагированно отражают результаты работы человеческой мысли. Поэтому точное и всестороннее описание грамматического строя языка имеет огромное культурно-познавательное и общественно-историческое значение. Нет сомнения в том, что советские языковеды с честью справятся со стоящими перед ними задачами и создадут полноценные научные описательные грамматики всех языков нашей многонациональной Родины.